

Салдаты идѣ, не стѣсняется, прямо къ царю. Заходить онѣ въ бѣлокаменныя полаты, Богу помолился, на всѣ на четыре стороны поклонился, царю въ особину.

— Здравствуй, добрый человѣкъ, зачѣмъ же вы завязались?

Голова-то у него была завязана: звѣзды-то не знать.

Салдаты отвѣчаютъ:

— Голова бѣлая.

Царевна выскакиваетъ изъ своей комнаты:

— А, другъ мой, говоритъ, да ты ишшо скрываеиса? Я дорожу тобой, когда ты меня спасъ отъ эдакой причины. Давай-ко, развязывай платокъ. Я три разъ, говоритъ, тебя будила и обжидала, а ты все засыпалъ на пристани на такой.

— Не знай, сударыня, отвѣчаетъ онѣ. Я и самъ не знай, какъ скрывался. Это еврей надо мной подыгрывалъ.

— Я три разъ тебя обжидала да не могла увести. А ты нонѣ самъ явился, да скрываеиса. Ну вотъ, татенька и маменька, должно быть, мой бого-суженой здѣсь. Когда я была у нечистого духа увезена у васъ,—вотъ онѣ меня отчиталъ.

Сичасъ платокъ онѣ развязалъ, все вычистили, да и веселымъ пиркомъ да-й за свадебку, и свадьбу сыграли. И стали жить да быть да поживать, добра наживать да лиха избѣгать; живутъ и теперь, да, можетъ быть, и насъ переживутъ.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинской вол.

Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онѣ же „Федорейко“), 1912 годѣ.

10. Желѣзный Конь.

Въ одномъ городѣ два мастера сошлись, одинъ золотарь, а другой кузнецъ. Должно быть выпивши они тутъ были и разспорили промежъ собой.

— Эхъ, говоритъ золотарь, ты какой мастеръ! Желѣзо перебираешь, а я вотъ сдѣлаю золотую утку и она будетъ плавать по воды. А ты, говоритъ, что изъ желѣза сдѣлаешь?

— А я сдѣлаю, что мнѣ надоть! тотъ отвѣчаетъ ему.

Городовой ихъ потомъ и подъ надзоръ за споръ; спорять, только и всего. Золотой мастеръ и говорить:

-- Вы меня не захватывайте, я сейчасъ открою свое ремесло.

Тотъ моментъ сдѣлалъ золотую утку и спустилъ на воду. Утка и плавать на воды. А этотъ желѣзпо-тъ мастеръ тоже куетъ, что слѣдуетъ, и всё справляетъ. А золотарь его принуждаетъ:

— Скорѣй да скорѣй! чтобы ихъ выпустили.

Вотъ кузнецъ ковалъ да ковалъ, да и доковалъ, что стало готово. Сейчасъ вынесъ это желѣзо, которо ковалъ, и началъ винтить и свинтилъ коня. Конь такой, что просто прелесть!

У царского дворца все это происшествіе у нихъ было. Вдругъ выскочилъ царской сынъ, сѣлъ на этого самого коня. Конь и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, а ниже облака ходячаго. Ну, онъ не знаетъ средства, какъ опустить коня, какъ поднять. Конь несетъ его своей чередой и принесъ въ иностранну землю и самъ опустился на землю. Опустился этотъ конь,—онъ и пошолъ по городу мѣсность узнать. Ходить по городу, выглядывать мѣста, гдѣ што, гдѣ какъ жить да какъ быть. Купилъ мѣшокъ онъ въ городѣ и склалъ туда желѣзо, это коня-то, въ мѣшокъ, развинтилъ, пошолъ въ гостинницу самолуччу и спрашивать у хозяина:

— Что же у васъ, господинъ хозяинъ, мѣсность эка у васъ широкая,—и башня къ чему эка выстроена, не одного окна и некакого свѣта нѣтъ, къ чему она эка?

— Ахъ, другъ мой, въ этой башни застата царская дочь. Она, говоритъ, какъ принесена, родилась, да и не показываютъ ей никакого свѣту. Какъ кухарка ли, нянька принесетъ ей кушанье, только сунуть ей тамъ, и не заходятъ внутрь. Такъ она тамъ и живѣтъ, ничего вовсе не зная, какой такой народъ есь.

— Неужели, господинъ хозяинъ, люди не знаютъ, кака она, хороша ли, чѣста ли, нечиста?

— А Господь ее знаетъ, хороша ли, нехороша ли, чиста ли, нечиста ли. Кака она есь, не знаютъ люди, и она не зная, каки есь люди. Никогда не выходить, не показывается на люди.

Царевичъ проживаетъ въ этомъ городѣ долго ли, коротко ли, и смекать: нать попастьъ къ этой дѣвушкѣ.

— Что тако значить, самъ собѣ и думать, нать посмотришь, кака она есь.

Давай по другу ночь туда и сунулся, и зачесалъ туда въ эту башню, и давай околѣ ея ухаживать. Отворилъ дверь и показалъ ей свѣтъ, въ какомъ свѣтѣ она живетъ. И она въ ёго влюбилася и онъ въ ей влюбился, и въ каждую ночь сталъ къ ей ходить туда. Няньки-кухарки замѣчать стали, что ходитъ кто-нибудь. Они увидѣли, что дверь стала шире. Раньше только рука едва входила, а теперь двери шире отворяются ужъ.

Вотъ царь и удумалъ:

— Эти двери смолой насмолите, и стойки.

Царевичъ на другу ночь пошолъ да и замазался. Кафтанъ онъ сбросилъ да и ушолъ, и признать не могли, чей кафтанъ. Царь вывѣсилъ вездѣ афишки, не знаетъ ли кто того, кто носилъ этотъ кафтанъ. Долго по всему городу ходили да разыскивали, ничего не могли найти. Давай мѣломъ забѣлили эти стойки да и двери. Царевичъ пошолъ да-й замазался мѣломъ. А хозяинъ, у которого онъ жилъ, и замѣтилъ, что у него локоть замаранъ въ мѣлу. Пошолъ онъ къ царю и сказалъ:

— Ваше Царско Величество! вотъ у меня есь человѣкъ живетъ чужестранный,—не казни меня,—открою я вамъ, что замѣчалъ я у ёго локоть въ мѣлу.

— Чу такъ ташшы этого человѣка, когда у тебя есь постоялецъ.

Привелъ царевича къ царю.

— Ходилъ ты въ эдаку башню?

— Ходилъ.

— А зачѣмъ ты ходилъ?

— А мнѣ любопытно, эка башня, для чего она выстроена.

— Ну вотъ, господа, выстройте теперь висѣльцу этому молодцу, зачѣмъ безобразникъ такой.

Сечасъ выстроили висѣльцу, и нать вести его. Повели на висѣльцу молодца.

— Вотъ что, Ваше Царско Величество, позвольте мнѣ, за мѣшочкомъ схожу; у меня въ гостинницы есь мѣшо-

чикъ, мы вмѣстѣ жили, дакъ теперь судьба моя пришла, нать проститься съ мѣшочкомъ.

Царь велѣлъ принести мѣшочекъ.

— Ваше Царско Величество! позвольте мнѣ желѣзо перебрать по-штучки, проститься съ каждой желѣзинкой, я это скоро сдѣлаю.

Онъ покуда перебираетъ, а самъ свое дѣло дѣлать, винтитъ только. Свинтилъ коня да-и сѣлъ на него.

— Прощайте, Ваше Царско Величество! Вотъ те и ви-сѣльца, только и видѣли. Улетѣлъ на кони, да въ эту башню, захватилъ царевну да и только живалъ-бывалъ, улетѣлъ на своемъ коні. И прибылъ въ свое государство.

Тогда этихъ мастеровъ и выпустили изъ темницы. Царевичъ женился на этой дѣвушки, а сзадѣ отецъ ее прибылъ въ то государство въ погону; а дочь повѣнчалася ужъ: взять нечего. Такъ и стали тѣ жить да поживать да добра наживать.

Онежскій у., Шелековский приходъ Савинской вол.

Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова (онъ же „Ѳедорейко“), 1912 годъ.

11. Иванъ Покати-Горохъ.

Вотъ былъ-жилъ царь. У царя было два сына; эти сыновья ходили въ училище и выучились ужъ.

— Татенька и маменька, позвольте намъ погулять съ сестрицей.

— Дѣточки, говоритъ, гуляйте, а только сестры не потеряйте.

Марья у нихъ сестра была, Марья-краса-руса-коса.

Они ходили да были, да сестрицу и потеряли. Пришли домой.

— Татенька и маменька, потеряли мы сестрицу, сами не знаемъ гдѣ.

— Ну, дѣточки, когда потеряли, то и ищите, а когда не найдите, то смерть вамъ тоже.

Матка у нихъ была беременна ишке, царица.

Они и отправились въ путь дорогу. Отецъ имъ далъ по портрету сестры: по портрету-то найдутъ, а такъ гдѣ ужъ!